

Беларусь и Россия

Есть названья извечно святые,
В каждой буковке – искры любви...
Две сестры – Беларусь и Россия,
Две сестры по судьбе и крови.

Обе искренни и синеглазы,
Над обеими – лёт журавлей,
Отражаются ивы и вязы
В чистых водах, что неба синей.

В душах – вольницы вечной стихия,
И от пращуров в них – непокой.
Две сестры – Беларусь и Россия,
Не отделишь одну от другой.

Наступали години лихие...
У пучины на самом краю
Две сестры – Беларусь и Россия
Шли на битву в едином строю.

Мир иной... Но кого ни спроси я,
Эти чувства всё так же остры.
Две страны – Беларусь и Россия,
Две руки... Две любви... Две сестры...

* * *

О, этот взгляд полуживой
Девчушки... Там, в сиротском доме.
В нем, кроме боли ножевой,
Лишь только время на изломе.

У незакрытого окна
Стояла (видел через дверь я)
Старушка юная – она –
С глазами, полными безверья.

А за окном цвела весна,
Чуть слышно музыка играла.
Была надеждами полна
Вся мощь вселенского хорала.

А рядом, как удар под дых,
Вот эта жуткая картина,
Где при родителях живых
Одна... Сиротка-сиротина...

Скрипачка в подземном переходе

Скрипел мороз... И ветер прыткий
Толкал в подземный переход,
А там тревожный голос скрипки
Всё ждал от публики щедрот.

Купюры мелкие... Подачки...
Смешки... Футляр... И, Боже мой! –
Девчушка, юная скрипачка,
У этой стенки ледяной.

Студил колючий холод руки,
Но голос скрипки не слабел.
Рвались торжественные звуки
Под своды, белые, как мел.

Зачем сюда талант загнала
Судьба?.. Здесь мать и перемать...
Ей околдовывать бы залы,
Букеты гордо принимать...

Как мне стоять под этим взором,
Где тайна высшая небес?..
Спешу уйти... А вслед с укором! –
Звучит Огинский... Полонез...

* * *

Двух умельцев издавна ценило
Наше молчаливое село.
К одному, счастливое, спешило
Ко второму горюшко вело.

Первый повторял: «Живем – не тужим»,
Гостя поздравляя всякий раз.
А второй печалился, что нужен
Он соседям в самый черный час...

Первый по утрам перед иконой
Всё просил работы, всё молил.
А второй, работой обделенный,
Проклинал ее что было сил.

Оба ладны, оба всё умели,
Оба – будто вестники судьбы.
Только первый ладил колыбели,
А второй выстрегивал гробы.

Звуки вальса Шопена... С поволокою взгляд. «Всё, что было – нетленно!» Мне глаза говорят.	Звуки вальса Шопена В такт сомнениям душ... Почему ж все мгновенно? Почему ж? Почему ж?
Этот жест звонкорукий – В целом мире один. И вливаются звуки Прямо в гемоглобин.	Звуки вальса прощают Всех обманов вино... Нам Шопен возвращает То, что было давно.
Будто вновь за плечами Молодое крыло. То, что было меж нами – Неужели прошло?	Будто всё – неизменно, Будто всё – на века. Звуки вальса Шопена... И любимой рука...

Волчица

Ее случайно обложили –
Собаки вынюхали путь,
Когда измученная, в мыле,
Она пыталась прошмыгнуть...

Три дня голодные волчата
Скулили близко от села.
И вот, отчаяньем объята,
Она к сараю подошла.

Сарай закрыт... Замок висячий...
Беги... Судьбе не прекословь.
Но визг и запах поросячий
Бунтуют голову и кровь.

Туда... Пролезть. Там воздух пряный.
Загрызть... Тащить через овраг.
Полшага... Шаг... Но выстрел грянул
И свора спущена собак.

С ней расправлялись зло и споро –
На шум сбежалось полсела.
Она лежала у забора
И огрызнуться не могла.

Лишь кровью лежбище пометив,
В грядущий обращалась прах...
И мертвый крик: «Ох, дети, дети!..»
Стыл в стекленеющих зрачках.

Я сто дорог, я сто путей прошел,
 Остановился... И на сердце горько.
 Сквозь шум дождей, что рушатся на дол,
 Мне слышится, что зорька ты, что зорька...

Явилась ты, улыбкою звеня,
 И будто сон, меня очаровала –
 Кудесница, спасавшая меня
 В любой беде... Спасала ты, спасала...

Но зависть появилась на пути
 У нашей страсти, впившись прямо в тело.
 И горестно, как будто в забытьи,
 На этот мир смотрела ты, смотрела...

Злой шепоток в житейской суете
 Нас обвинял... Толпе все мало, мало...
 И ревностью, как будто на кресте,
 Любовь мою распяла ты, распяла...

Была весна короткою, как миг...
 И все печали разом постигая,
 Я мучился, но так и не постиг,
 Любовь моя, чужая ль ты, чужая?..

ГЛУХИ

Июль и в Глухах не глухой,
 Безоблачный, пахучий.
 И пчел извечный непокой,
 И вереск – самый лучший.

В колодце, где не видно дна,
 Меж недоспелых вишен,
 Лицо твое голубизна
 На донышке колышет.

Стоишь под звонким «журавлем»,
 Чуть бронзовеют косы.
 И взор такой, что тонет в нем
 Сосед светловолосый.

Неспешно ведра подняла,
 Листва зашелестела.

Чуть улыбнулась – мол, дела,
 И не пошла – взлетела.

Не уходи... Постой, постой
 На улочке немного.
 Паришь над сочною травой,
 Ступая легконого.

Тебе пеняют небеса,
 Что к парню бессердечна.
 Ты в дом уйдешь на полчаса,
 А кажется навечно.

О, ожидания часы,
 В которых столько смысла...
 И только ведра, как весы,
 Качает коромысло.